

ДМИТРИЙ ДАВЫДОВ*

ЧЕМ ВЫЛ ПОСТМОДЕРН? ЧЕМ СТАЛ МАРКСИЗМ? **

РЕЦЕНЗИЯ НА НОВУЮ КНИГУ ДЭВИДА ХАРВИ

ХАРВИ Д. СОСТОЯНИЕ ПОСТМОДЕРНА. ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОКОВ КУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ / ПЕР. С АНГЛ. Н. ПРОЦЕНКО. — М. : ИД ВШЭ, 2021.

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-3-298-313.

Сегодня марксизм находится в парадоксальном положении. С одной стороны, накапливающиеся противоречия в обществе (от зашкаливающих показателей социального неравенства до проблемы сохранения экологического равновесия), свидетельствующие об актуальности марксистской критики капитализма, а с другой — настоящий кризис, тупик, можно даже сказать замешательство перед отсутствием цельного, в каком-то понимании утопического образа будущего, перед зыбкостью конструируемых (предполагаемых) революционных субъектов и выбираемых стратегий политической борьбы. Сам марксизм распался на фрагменты, симулякры самого себя, конфликтующие и нередко закрытые для диалога сегменты теоретизирования и дискурсивных практик. Такая растерянность не должна удивлять. Как можно мыслить социализм / коммунизм, если рабочий класс распался на группы и подгруппы или оказался настолько далеко от ключевых центров силы и власти (которые, стоит отметить, также разбрелись по миру, образовав неуязвимую «империю» (Хардт и Негри, Иноземцев, 2006), что стал фактически бессильным? Более того, как можно мыслить всеобщую освободительную борьбу во времена, когда все всеобщее и универсальное подвергается порицанию?

Тем не менее есть основания считать, что эта растерянность обусловлена не только и не столько объективными общественными реалиями.

*Давыдов Дмитрий Александрович, к. полит. н., старший научный сотрудник; Институт философии и права УрО РАН (Екатеринбург), davydovdmitriy90@gmail.com, ORCID: 0000-0001-7978-9240.

** © Давыдов, Д. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Одна из проблем может заключаться в том концептуальном тупике, в который завел некоторые ответвления (преимущественно западного) марксизма дискурс о постмодерне и постмодернизме. Во многих местах дискурс о модерне / постмодерне / постпостмодерне и т. д. стал своеобразным субститутом рассуждениям о способах производства, о конкретных общественных формациях и непосредственной *классовой борьбе*. Действительно, чем еще была примечательна эволюция неопостмарксизма, если не разрушением классического марксистского «треугольника», охватывавшего исследование динамики производительных сил и производственных отношений, то есть конкретных экономических противоречий общества (примата «базиса» над «надстройкой»), диалектику общественной борьбы и анализ классовых противоречий, а также практику политической борьбы (Терборн, Афанасов, 2021)? Вместо всего этого стали рассуждать об *эпохах*, обусловленных культурными сдвигами, которые связывались не с существенными, качественными, глубинными изменениями самих способов производства, а скорее с культурными «отзвуками» эволюционирующего капитализма. Если говорить грубо, то по изменениям «надстройки» стали судить об изменениях в «базисе». Строгий политэкономический анализ был почти заброшен, а вместо него на поток было поставлено чтение литературных произведений, анализ музыкальных композиций, изучение архитектуры и скольжение по поверхности изобразительного искусства. В этом, по всей видимости, и заключалось ключевое следствие из тезиса Ф. Джеймисона о слиянии культуры и экономики в условиях позднего капитализма (Джеймисон, Кралечкин, 2019).

Проблема только в том, что, оторвавшись от политэкономических корней (причем политэкономических именно с точки зрения классиков), марксизм (опять же, стоит отметить, не весь) в итоге столкнулся с тем, что можно обозначить как «проблема интерпретатора»: постоянно занимаясь *интерпретациями* культурных артефактов, мы рискуем упустить из виду нечто существенное в самом основании экономических отношений, приписать те или иные смыслы тому, что имеет совсем другое значение. Вместо того чтобы анализировать противоречия изменяющихся производственных и общественных отношений, новые блага, источники власти и т. д., сами марксистские критики заразились постмодернистской иронией и скепсисом, окончательно утратив какую-либо материальную опору и предпочитая заниматься малоперспективными

вещами, вроде «когнитивного картографирования» или морализаторства, практически ничего не говоря о возможном будущем (если не считать дежурные призывы к «солидарности», борьбе, единству и т. п.) и не предлагая ничего *конкретного* взамен существующему порядку вещей.

Все это не означает, что нужно отбросить западный марксизм и сами по себе марксистские концепты постмодерна (как «эпохи») и постмодернизма (как совокупности идейных течений), от которых их авторы, по всей видимости, отчасти сами со временем отказались (правда, не всегда по указанной выше причине). Однако если мы видим какой-то концептуальный тупик, то стоит отмотать время назад и понять, когда мы встали не на тот путь. Иными словами, основная актуальность марксистских исследований постмодерна заключается, на мой взгляд, в том, чтобы понять, как можно еще иначе интерпретировать описанные ими ключевые события. То есть сам «поворот не туда» может расцениваться как важный момент в эволюции общества — момент, когда что-то сильно изменилось, но оказалось поначалу плохо различимым. В этом смысле теории постмодерна еще нуждаются в должном изучении, поэтому издание на русском языке книги Дэвида Харви «Состояние постмодерна» (впервые опубликована в 1989 году) весьма значимо.

Казалось бы, издавать книгу тридцатидвухлетней давности — дело достаточно странное, учитывая, что сегодня интеллектуальные книги, посвященные изучению трансформаций современного общества, все быстрее и быстрее устаревают. Но труд Харви поразительным образом выглядит достаточно свежим по отношению к современным реалиям. Точнее, при его чтении не возникает ощущения чего-то совсем уж неактуального. Здесь мы уже видим постановку многих диагнозов нашему обществу: от финансовализации экономики до проблем, связанных с глобализацией, неолиберализмом и даже прекариатом (хотя само это слово пока еще не упоминается) и т. д. В принципе, при «слепом» прочтении средний читатель вряд ли поймет, что книга столь стара.

И все же, как я уже отметил, главная ее ценность скорее историческая. Нам нужно понять, *чем* был постмодерн (и как эпоха, и как представления о ней). И, по всей видимости, нельзя найти книгу лучше, чем эта. Тот же Ф. Джеймисон, который считается мэтром в деле марксистского осмысления постмодерна, по трудам которого, собственно, многие и судят об изучаемом феномене, подходит для этого гораздо хуже. И дело даже не в том, что Джеймисон опирается на не совсем

корректную собственную интерпретацию концепта позднего капитализма Э. Э. Манделя, на что, в частности, указывал А. Каллиникос (Callinicos, 1990: 106); и не в том, что сами его ключевые концепты (пастиш, шизофрения и т. д.) весьма зыбкие¹ (можно сказать — слишком «культурологичные»). По сравнению с Харви Джеймисон рассматривает постмодерн почти исключительно как культуролог, не уделяя актуальному политэкономическому анализу должного внимания (вместо этого рассуждая о «тотальности» и пр.). Его дискурс концентрируется на (довольно субъективных) интерпретациях произведений культуры — порой чтение его текстов превращается в настоящее испытание в попытках понять исходный посыл и смысл. В этом отношении Харви значительно конкретнее, он больше унаследовал от классического марксизма. Как верно заметил А. В. Павлов во вступительном слове,

в отличие от многих авторов Харви непременно стремился к кристальной ясности своих мыслей — не делать сложное простым, но делать сложное ясным (Павлов, 2021: 23).

В принципе, основной смысл книги сводится к нескольким опорным моментам.

Во-первых, постмодерн — это культурная производная от более глубоких изменений в капиталистической экономике. Это прежде всего закат фордизма и переход к тому, что Харви называет *гибким накоплением*. При этом в отличие от Ф. Джеймисона Харви не говорит об *окончательном* стирании границ между базисом и надстройкой. Для него культура все еще является *отражением*, символической репрезентацией происходящих экономических процессов (здесь нет «равнозначности»). Харви все еще «держит связь» с Марксом, и это выгодно отличает его от многих других авторов (Харви, Проценко, 2021: 313):

Даже несмотря на то что нынешние условия отличаются от прошлых во многих отношениях, несложно разглядеть то, каким образом инвариантные элементы и отношения, которые Маркс определял как фундаментальные для любого капиталистического способа производства, по-прежнему просвечивают сквозь все пустословие и эфемерность, столь характерные для гибкого накопления, причем во многих случаях даже более ярко, чем прежде.

¹См., например, блестящую критику концепта пастиша Ф. Джеймисона, данную Р. Дайером (Dyer, 2006).

Во-вторых, Харви не спешит, как это делает Джеймисон в соответствующей работе² (Джеймисон, Кралечкин, 2019: 140), связывать наступление постмодерна с некоей высшей фазой (с триумфом и «очищением») капитализма (когда происходит «насыщение каждой поры мира веществом капитала») (Андерсон, Маяцкий, 2011: 75). Скорее закат фордизма как эпохи массового («стандартизированного») производства, массового труда и больших иерархически (бюрократически) организованных корпораций связывается им с *кризисом капитализма*. В этом смысле Харви более осторожен и осмотрителен. Кроме того, он словно до конца не уверен, является ли гибкое накопление *неизбежной* стадией развития буржуазного общества. И здесь (в 8 и 9 главах) мы видим некоторую опору на политэкономический анализ: *постфордизм* рассматривается как одна из стратегий *выживания* находящегося в *кризисе* капитализма. Успех «золотой» поры капитализма был связан с послевоенным восстановлением, когда экономика США могла активно расти на высоком спросе из разрушенной войной Европы. В начале 1970-х наступает известный структурный кризис (хотя кризисные тенденции становились заметны и ранее), вдобавок обремененный ростом цен на нефть. И этот момент нужно отметить отдельно, ведь последовавшее *ускорение пространственно-временного сжатия*, выразившееся, соответственно, в ускорении темпов глобализации, в финансиализации, неолиберальной атаке на рабочий класс и в установлении «нового духа капитализма» (Болтански и Кьяпелло, Фокин, 2011) («духа» сетевой самоорганизации) и т. д., не явилось чем-то «освободительным» для капитализма. Вернее сказать, это было попросту *необходимо*, чтобы *поддержать жизнеспособность* капитала. Поэтому новый «режим накопления», связанный со стратегиями ускорения оборачиваемости капитала, с акцентом на индивидуализацию, разнообразие, потребительский выбор, трансграничность и вызвавший в итоге рост социальных противоречий (тоже провидчески описанных Харви и актуальных по сей день), можно также описывать как попытку вылечить *глубокую болезнь* капитализма (сам Харви этого не делает, но такие выводы читатель может сделать сам — я вернусь к этому ниже).

²Ф. Джеймисон и в более поздних работах будет подчеркивать эту «чистоту» в буквальном смысле *современного* капитализма, хотя и с оговоркой: слишком громоздкая «имперская» буржуазная система неизбежно сталкивается с учащающимися практиками сопротивления со стороны анархистов, антиглобалистов и т. д. (см., например: Jameson, 2014).

В-третьих, те феномены, которые обычно связывают с постмодерном (кризис больших нарративов, утрата надежды, пастиш, шизофрения, отсутствие глубины и аффекта и т. д.), вытекают, по мнению Харви, из ускорения оборота капитала, диверсификации, «гибкости», реалий «общества потребления» и т. д. Даже медийные симулякры являются результатом смещения акцентов от

производства товаров (большинство из которых, как ножи и вилки, имеют значительный срок жизни) к производству событий (таких как зрелища, имеющие почти мгновенный период оборачиваемости) (Харви, Проценко, 2021: 267).

Как отмечает Харви, гибкое накопление привело к быстрой сменяемости мод, к эклектике, к бурному развитию рекламы, к коммодификации культурных форм и т. д. Соответственно, эстетические элементы в культуре становятся доминирующими, постепенно вытесняя этические.

Полагаю, такая ясность логики — безусловная заслуга Харви. Но эта же ясность логики и четкость изложения в итоге позволяют легче выявить те уязвимые места, которые характерны в целом для концепций многих левых авторов, писавших о постмодерне и преимущественно критиковавших его (или признававших его историческую неизбежность, но также и неизбежность поиска выхода из этого «состояния»). При этом, кстати, даже здесь концепция Харви оказывается в более выгодном положении. Можно выделить три основные проблемы:

1. *Тенденция к сведению всего многообразия изменений, ассоциируемых с постмодерном, к капитализму и коммодификации.* Эта проблема, как говорится, лежит на поверхности. При чтении «Состояния постмодерна» трудно избавиться от мысли, что автор выстраивает свои аргументы в стиле «post hoc ergo propter hoc». В принципе, это общее место для многих трудов, посвященных культуре, когда культурные артефакты, несущие в себе субъективные смыслы, необходимо не просто *интерпретировать*, но и *объяснять*, не опираясь при этом на четкий методологический инструментарий, которым обладают, скажем, социологи с их опросами, интервью и т. д. Харви именно это и делает: раз постмодерн появился вслед за «гибким накоплением», то фактор *a* есть объяснение феномена *b*. Но в таком случае мы неизбежно попадаем сразу в два теоретических капкана. Во-первых, мы рискуем упустить из виду тот факт, что *b* может само по себе оказывать обратное воздействие на *a*. Во-вторых, мы можем не учесть, что *b* вполне способно

оказаться результатом синтеза *a* и еще какого-то неизвестного фактора *c*. Но в логике Харви (и тем более Джеймисона) все достаточно просто: есть некий почти всепроникающий капитализм (у Харви, несмотря на кризис, капитализм все же благополучно выживает), порождающий все плохое, заражающий все общественные отношения жаждой денег, коммодификацией и т. д. При этом, как я уже отметил, каких-то четких дефиниций капитализма, отражающих его внутреннюю сущность (кроме общих слов про накопление, постоянный рост, рынок, деньги и т. д.) в данной конкретной книге Харви мы не найдем. Возникает ощущение, что все, к чему «прикасаются» деньги и рынок, — это «естественная» часть капитализма, хотя, скажем, у Маркса было весьма четкое представление о последнем именно как о *самовозрастающей стоимости*, в конечном счете как о результате *извлечения прибавочной стоимости* (чтобы это описать, Марксу потребовалось 3 огромных тома, и задача, как известно, была решена не до конца).

Обозначенная проблема выражается, в частности, в том, как Харви оценивает «новые левые» движения (имеются в виду движения за гражданские права, движения экологистов, феминисток и т. д.), вдохновленные постструктуралистскими концептами конца больших нарративов, «смерти автора», критикой фаллологотризма, гуманизма Просвещения и т. д.). Все это, судя по логике книги, является своеобразным эпифеноменом капитализма. Не отрицая их как таковые и даже признавая их полезность (Харви, Проценко, 2021: 557), Харви говорит о том, что они явились результатом индивидуализации и фрагментации, а потому подорвали надежду на революцию рабочего класса (или вытеснили как таковой посыл классовой борьбы), а также

отсекли для себя возможность критического взгляда на самих себя и на социальные процессы трансформации, лежащие в основе возникновения постмодернистских способов мышления (там же: 556).

Но что, если посмотреть на это диалектически³ (ведь и капитализм был «синтезом» феодальных отношений эксплуатации и новых промышленных технологий)? Не мог ли новый «режим накопления» привести что-то выходящее за пределы капитализма как такового? Там, где зараженный постмодернистским скепсисом марксист видит «насыщение

³К слову, к этому же призывает Джеймисон, но далеко в этом направлении не продвигается (см., например: Джеймисон, Кралечкин, 2019: 172).

каждой поры мира веществом капитализма», можно попытаться разглядеть нечто прогрессивное, а именно — расширение возможностей для *самореализации, проявления себя-в-мире*, нечто *разрушающее обезличенный мир*. Постмодернизм не просто породил уничтоживший надежду на *новое* пастиш (это очень грубая редукция Джеймисона), но поспособствовал появлению разнообразия и очень многих возможностей для творческой сообразительности. Все это можно увидеть в книге Харви (скажем, когда он обращает внимание на то, как унылые модернистские города начинали постепенно пестрить разнообразием), но лишь как примеры чего-то негативного (классовой власти, престижа и т. п.). «Двойственность» таких явлений так и не получает развернутой оценки со стороны Харви.

Здесь стоит учесть еще один факт, который почему-то редко вспоминают, когда рассуждают о постмодерне. Ровно в то время, когда, по мнению Харви, «зарождался» постмодерн (а он говорит о «переломном» 1973 годе), происходила «тихая революция», описанная Р. Инглхартом. Она заключалась в том, что «материалистические» ценности выживания вытеснялись постматериалистическими ценностями *самореализации*. Людей все меньше беспокоили сугубо экономические вопросы поддержания достатка и борьбы за хлеб насущный. Вместо этого они все активнее выражали заинтересованность в условиях (например, в гражданских правах и свободах), благоприятствующих поиску и поддержанию собственной идентичности (см., например: Inglehart, 1977). Кто-то может сказать, что и эта «тихая революция» являлась лишь частью хитрого умысла стремившихся к «гибкому накоплению» буржуа, но подобные суждения не выходят за рамки сугубо гипотетического.

2. *Ассоциирование постмодерна с капитализмом или его «побочными» феноменами мешает увидеть социальные разрывы, порожденные внутренним кризисом капитализма.* Да, как было отмечено выше, Харви признает, что «гибкое накопление» было ответом на тупик перепроизводства и достижение пределов географического расширения капитала. Но опять же главная проблема Харви и многих других марксистских исследователей постмодерна заключается в придании капитализму чуть ли не трансцендентной, всепроникающей и выходящей за все мыслимые пределы силы (это представление хорошо отразилось в депрессивном концепте «капиталистического реализма» М. Фишера (Фишер, Кралечкин, 2010). Но это не так. В своей «имперской» экспансии капитализм зашел в слишком некомфортные для него области. О «новых левых», силе постструктуралистской деконструкции и постматериалистической

«тихой революции» уже сказано. Но есть еще и другие важные аспекты рассматриваемого явления. Например, уход экономики в область символического есть очень опасное предприятие для капитализма, всегда базировавшегося на том, что поддается рациональной калькуляции и легко измеримо. В сущности, деградация материального производства, финансиализация, акцент на «производстве» символов и симулякров — это и есть основной фактор нестабильности современного капитализма (вернее, его мутации во что-то негативное), переживающего повсеместную ренгизацию (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019), когда ценности не созидаются (кстати, даже классическое буржуазное выбивание прибавочной стоимости — это хоть и паразитирование, но все же на *созидании*), а все в больших случаях *изымаются* (Маццукато, Проценко, 2021). Да и наравне с растущей отраслью «производства симулякров» существует столь же активно растущая область производства *знаний*, без которых высокотехнологичная экономика непредставима. Последняя же очень плохо поддается коммодификации. Вернее, коммодификация сферы производства знаний превращается в борьбу за патенты и ренту с этих патентов. Сама же внутренняя сущность знаний, как известно, антибуржуазна, ибо знание неисчерпаемо и легко становится достоянием всего человечества (Горц, Сокольская, 2010).

Все обозначенные выше и многие другие факторы приводят к рождению чего-то *внеположного* капитализму, к тому, что его *отрицает* как в негативном, так и в позитивном смысле. Харви этого просто не может увидеть, ведь для него, Ф. Джеймисона, П. Андерсона и многих других авторов в то время наблюдалось скорее «всепроникновение» некоего единого субстрата капитализма. Но сегодня становится заметно, что это — лишь верхушка айсберга. С помощью концепций Харви и Джеймисона мы не можем объяснить многие коллизии сегодняшнего дня. Скажем, как еще объяснить победу Д. Трампа на выборах 2016 года, если не восстанием чисто модернистской, чисто капиталистической логики материального производства, когда беднейшая часть населения побраталась с буржуазией «старой закалки», все еще способной говорить на экономическом («материалистическом») языке роста доходов, снижения налогов, привлечения рабочих мест, инвестиций, а не борьбы за чистоту океанов, возможность выбора из 58 вариантов гендера и права животных? Это вопрос даже не конкретной политики, а *разных реальностей*. Мы оказались в ситуации, когда капиталист стал для рабочего (именно рабочего, представителя беднеющего «среднего класса», жителя американской

глубинки) ближе⁴, чем исповедующий постматериалистические ценности интеллектуал или бобо (представитель буржуазной богемы (Брукс, Симановский, 2013). Постмодерн (вернее, общественные процессы, с ним ассоциируемые) не породил «чистый» капитализм, не модернизировал его до уровня «плюс», но скорее надломил его, разорвал, породил нечто выходящее за его пределы и ему враждебное.

3. *Акцентируя внимание на культуре и уделяя все меньше места анализу конкретных производственных отношений, а также непосредственных практик классовой борьбы, марксистские теоретики постмодерна лишают себя возможности увидеть не только зачатки принципиально новых общественных отношений, но и свойственные им противоречия.* О кризисе и тупиках «ухода в культуру» (частичного или полного) наглядно свидетельствуют современные рассуждения о постпостмодернизме (различные концепции гипер-, нео-, транс-, альтер-, мета-, диджи-⁵ и прочих «модернизмов» с приставкой)⁶. Этот кризис связан с полной утратой классического марксистского аналитического инструментария. Харви, как мы увидели, еще пытается опираться на политэкономический анализ, но оный в итоге оказывается *подчиненным* «культурологической» проблематике. Поэтому закономерно, что у последующих авторов (не все они называют себя марксистами, но очень многие среди них — однозначно левые) остались в основном концептуальные скольжения по культурной надстройке, внезапно ставшей базисом. Все это ведет к анекдотичным случаям, когда авторы концепции метамодерна, считающейся наиболее убедительной заменой постмодерну, всерьез рассуждают о масштабных общественных трансформациях, опираясь, скажем, на изучение того, какие «аффективные» эмоции испытывает персонаж детского мультфильма (*Метамодернизм*.

⁴Тут возникает ассоциация со временами двухсотлетней давности, когда мыслителями, вроде Сен-Симона, буржуазия и пролетариат объединялись в класс «индустриалов». Эпоха заката капитализма в каком-то смысле похожа на эпоху его подъема: их главные действующие лица вступают на историческую сцену и уходят с нее как трудно отличимые части единого целого.

⁵Концепт диджимодернизма А. Кирби хоть и делает акцент на цифровых технологиях, но все равно в итоге сводится к сплошной культурологии (см.: Kirby, 2009). Как заметил Э. Сафронов, Кирби анализирует цифровой текст «исключительно как медиум и, описывая форму, совершенно не занимается содержанием, которое скрывает за собой веб-страница. Это, впрочем, свойственно его методологии, в которой совершенно отсутствует какой бы то ни было экономический анализ, и как следствие — глубокий социальный анализ» (Сафронов, 2019: 186).

⁶См. подробнее об этих концептах в книге А. В. Павлова (Павлов, 2019).

Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма 2019: 67–88). Общее здесь — попытки рассмотреть в художественном творчестве, всегда (даже учитывая разрушение границ между массовой и элитарной культурой) являвшемся лишь отражением сознания богемных сообществ, образ будущего в его социальной целостности. Другая грань проблемы — оперирование концептами, нацеленными преимущественно на изучение характерных черт («культурных доминант») эпох (а эпоха, скажем, в советском марксизме никогда не отождествлялась с формацией). Реализм, модернизм, постмодернизм стали для многих ключевыми понятиями при изучении общества. К примеру, метамодерн мыслится как некая осцилляция (колебание), то есть метания между чертами модерна и постмодерна (или их некий «синтез») (см.: *Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма* 2019).

Что это может сказать о новых источниках власти и доминирования, о новых классовых столкновениях? Ничего. Более того, и модерн сам по себе не говорил ничего о ключевом классовом антагонизме капиталистической формации. С помощью языка и общих принципов Просвещения мы могли как апеллировать к рыночной рациональности, так и мечтать о покорении космоса, осуществляемом дружными, высокообразованными людьми коммунистического будущего. Как я попробовал показать выше, и постмодерн мало чего говорит о присущих современному обществу социальных противоречиях. Характеристика эпохи всегда затрагивает лишь наиболее общие черты культуры, поверхностный «дух времени», но никак не социальные разрывы, не присущие только одним конкретным классам этосы и модусы. Харви тоже в итоге отходит от классического марксистского инструментария, ведь он в конце книги лишь выражает надежду на «контрнаступление против образа», когда выступают «этика — против эстетики, проект Становления — против Бытия», а потому

возможным также становится поиск единства внутри различия, хотя и в таком контексте, где четко осознаются власть образа и эстетики, проблемы временно-пространственного сжатия и значимость геополитики и инаковости (Харви, Проценко, 2021: 565).

Короче говоря, ностальгия (это слово в данном контексте имеет двойной смысл) по модерну: по большим нарративам, по универсальному освободительному проекту и т. д. Не более. Но кто будет осуществлять этот освободительный проект? И будет ли он вообще осуществлен? Вернее, так: а будет ли он *освободительным*?

Есть основания сомневаться в этом, ведь если мы вернемся с культурных «небес» на материальную землю, то увидим, что предполагаемый конец капитализма — это еще не конец отчуждения, конкурентной борьбы за ресурсы и богатство. В условиях бурного развития коммуникационных технологий на место погони за ограниченными материальными благами постепенно приходит борьба за *внимание* как ценнейший, но все также ограниченный, дефицитный⁷, *ресурс* (в т. ч. политического влияния) и *источник богатства*, а также за *социально реализовавшее себя «я»* (личность как совокупность публичных образов) как наиболее желанное состояние и даже *благо*. Мы вернулись к тому, с чего начали, — к изучению классиков теории постмодерна, а Харви, как я уже отметил, наверное, лучший в этом смысле автор. То, что описывали теоретики постмодернизма, оказалось лишь началом долгой и только сегодня начавшей явно проявлять себя *посткапиталистической* социальной революции, которая примечательна переходом от производства вещей отнюдь не только к производству симулякров, но и к *производству индивидуальностей* (это можно назвать «производством личности»), ко всему тому, что способствует удовлетворению важнейших потребностей в *любви к себе*, во внимании, в социальных контактах и, конечно же, в *самоактуализации*. Причем предполагавшееся ранее дружное покорение космоса коммунистическим человечеством откладывается на неопределенный срок, а выстроенная по образу и подобию конкурентной погони за прибавочной стоимостью буржуазная экономика в силу объективных причин (от автоматизации и роботизации до утраты массовым «человеческим капиталом» актуальности) постепенно, отравляя при этом общественные отношения рентными практиками, уходит в небытие. Вместо дружного коммунизма наблюдается практически повсеместная и зачастую агрессивная (чреватая ростом заболеваемости депрессией среди подростков и не только (см.: Twenge, 2017: 96–97, 103) погоня за популярностью в соцсетях, лайками и репостами, за властью и богатством, даруемым массовым обожанием и творческой *индивидуальностью* (см. подробнее: Давыдов, 2021). В современном мире торжествуют высокообразованные и влиятельные личности-интеллектуалы (а также «технологические» меритократы (см.: Markovits, 2019), личности-ученые, личности-художники, личности-политики (или селебрити-политики), личности-личности (медиаперсоны) и т. д. Многие из них рассуждают

⁷Еще и имеющий тенденцию концентрироваться в руках единиц (см.: Дин, Егорова, 2019: 105).

о посткапиталистическом обществе, в котором базовый доход открывает широкие просторы для свободной творческой самостоятельности (поясним: наиболее успешных, разумеется), а массовый труд уйдет в прошлое, будет отдан на откуп роботам (см.: Срничек и Уильямс, Охотин, 2019). Но где-то на «задворках дискурса» все еще остается, например, тот самый беднеющий рабочий класс, как забытый «артефакт» уходящей формации (крестьяне в эпоху промышленной революции находились в похожем положении), видящий союзником скорее капиталиста, нежели толерантного и при этом надменного (презирающего патриархальные «низы» и считающего их сборищем неудачников) меритократа-интеллектуала. Быть может, нам стоит изучать именно такого рода явления и противоречия, а не анализировать произведения искусства, спекулятивно рассуждая о возможной доле историчности, аффекта и глубины в творческой «продукции» новой возвышающейся аристократической прослойки творческих личностей-индивидуальностей?

ЛИТЕРАТУРА

- Андерсон П.* Истоки постмодерна / пер. с англ. М. Маяцкого. — М. : Территория будущего, 2011.
- Болтански Л., Кьяпелло Э.* Новый дух капитализма / пер. с фр. С. Л. Фокина. — М. : Новое литературное обозрение, 2011.
- Брукс Д.* Бобо в раю. Откуда берется новая элита / пер. с англ. Д. Симановского. — М. : Ад Маргинем, 2013.
- Горц А.* Нематериальное. Знание, стоймость и капитал / под ред. М. Маяцкого ; пер. с нем., с фр. М. М. Сокольской. — М. : ИД ВШЭ, 2010.
- Давыдов Д. А.* Посткапитализм и рождение персоналиата. — М. : Рипол классик, 2021.
- Джеймисон Ф.* Постмодернизм или культурная логика позднего капитализма / под ред. А. Олейникова ; пер. с англ. Д. Кралечкина. — М. : Институт Гайдара, 2019.
- Дин Д.* Коммунизм или неофеодализм? / пер. с англ. А. Егоровой // Логос. — 2019. — Т. 29, № 6. — С. 85–116.
- Маццукато М.* Ценность всех вещей. Создание и изъятие в мировой экономике / под ред. Н. Афанасова, А. Павлова ; пер. с англ. Н. Проценко. — М. : ИД ВШЭ, 2021.
- Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / под ред. Р. ван ден Аккера, Э. Гиббонс, Т. Вермулена. — М. : РИПОЛ классик, 2019.
- Павлов А. В.* Постпостмодернизм : как социальная и культурная теории объясняют наше время. — М. : Дело, 2019.

- Павлов А. В. «Состояние постмодерна» Дэвида Харви // Состояние постмодерна. Исследование истоков культурных изменений / Д. Харви ; пер. с англ. Н. Проценко. — М. : ИД ВШЭ, 2021. — С. 7–40.
- Сафронов Э. Е. Что будет вместо постмодерна? Диджимодернизм как культурная доминанта // Галактика : журнал медиа исследований. — 2019. — № 1. — С. 178–195.
- Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее : посткапитализм и мир без труда / пер. с англ. Н. Охотина. — М. : Strelka Press, 2019.
- Терборн Й. От марксизма к постмарксизму? / под ред. А. В. Павлова ; пер. с англ. Н. Афанасова. — М. : ИД ВШЭ, 2021.
- Фишер М. Капиталистический реализм / пер. с англ. Д. Ю. Кралечкина. — М. : Ультраккультура 2.0, 2010.
- Фишман Л. Г., Мартынов В. С., Давыдов Д. А. Рентное общество : в тени труда, капитала и демократии. — М. : ИД ВШЭ, 2019.
- Харви Д. Состояние постмодерна. Исследование истоков культурных изменений / пер. с англ. Н. Проценко. — М. : ИД ВШЭ, 2021.
- Хардт М., Негри А. Множество : война и демократия в эпоху империи / пер. с англ. В. Л. Иноземцева. — М. : Культурная революция, 2006.
- Callinicos A. Reactionary Postmodernism? // Postmodernism and Society / ed. by R. Boyne, A. Rationsi. — New York : St. Martin's Press, 1990. — P. 97–119.
- Dyer R. Pastiche. — New York : Routledge, 2006.
- Inglehart R. The Silent Revolution. — Princeton : Princeton University Press, 1977.
- Jameson F. Representing Capital : A Reading of Volume One. — New York : Verso, 2014.
- Kirby A. Digimodernism. How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture. — New York, London : Continuum, 2009.
- Markovits D. The Meritocracy Trap : How America's Foundational Myth Feeds Inequality, Dismantles the Middle Class, and Devours the Elite. — New York : Penguin Press, 2019.
- Twenge J. M. iGen : Why Today's Super Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy and Completely Unprepared for Adulthood and What That Means for the Rest of Us. — New York : Atria Books, 2017.

Davydov, D. A. 2021. "Chem byl postmodern? Chem stal marksizm? [What was Postmodernity? What has Marxism Become?]: retsenziya na novuyu knigu D-eyida Kharvi [Review of a New Book by David Harvey]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] 5 (3), 298–313.

DMITRIY DAVYDOV

PHD IN POLITICAL SCIENCES, SENIOR RESEARCHER
INSTITUTE OF PHILOSOPHY AND LAW OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (YEKATERINBURG,
RUSSIA); ORCID: 0000-0001-7978-9240

WHAT WAS POSTMODERNITY? WHAT HAS MARXISM BECOME?

REVIEW OF A NEW BOOK BY DAVID HARVEY

HARVEY, D. 2021. *SOSTOYANIYE POSTMODERNA. ISSLEDOVANIYE ISTOKOV KUL'TURNYKH IZMENE NIY* [THE CONDITION OF POSTMODERNITY. AN ENQUIRY INTO THE ORIGINS OF CULTURAL CHANGE] [IN RUSSIAN]. TRANS. FROM THE ENGLISH BY N. PROTSENKO. MOSKVA [MOSCOW]: HSE

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-3-298-313.

REFERENCES

- Akker, R. van den, E. Gibbons, and T. Vermyulen, eds. 2019. *Metamodernizm. Istorichnost', Affekt i Glubina posle postmodernizma* [Metamodernism. Historicism, Affect and Depth After Postmodernism] [in Russian]. Moskva [Moscow]: RIPOL klassik.
- Anderson, P. 2011. *Istoki postmoderna* [The Origins of Postmodernity] [in Russian]. Trans. from the English by M. Mayatskiy. Moskva [Moscow]: Territoriya budushchego.
- Boltanski, L., and E. Chiapello. 2011. *Novyy dukh kapitalizma* [Le nouvel esprit du capitalisme] [in Russian]. Trans. from the French by S. L. Fokin. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Brooks, D. 2013. *Bobo v rayu. Otkuda beret-sya novaya elita* [Bobos in Paradise] [in Russian]. Trans. from the English by D. Simanovskiy. Moskva [Moscow]: Ad Marginem.
- Callinicos, A. 1990. "Reactionary Postmodernism?" In *Postmodernism and Society*, ed. by R. Boyne and A. Ratiansi, 97–119. New York: St. Martin's Press.
- Davydov, D. A. 2021. *Postkapitalizm i rozhdeniye personalizata* [Postcapitalism and the Birth the Personalizat] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Ripol klassik.
- Dean, J. 2019. "Kommunizm ili neofeodalizm? [Communism or Neo-Feudalism?]" [in Russian], trans. from the English by A. Yegorova. *Logos* [Logos] 29 (6): 85–116.
- Dyer, R. 2006. *Pastiche*. New York: Routledge.
- Fisher, M. 2010. *Kapitalisticheskiy realizm* [Capitalist Realism] [in Russian]. Trans. from the English by D. Yu. Kralachkin. Moskva [Moscow]: Ul'trakul'tura 2.0.
- Fishman, L. G., V. S. Mart'yanov, and D. A. Davydov. 2019. *Rentnoye obshchestvo* [Rental Society]: v teni truda, kapitala i demokratii [In the Shadow of Capital, Labor and Democracy] [in Russian]. Moskva [Moscow]: ID VSh.E.
- Gorz, A. 2010. *Nematerial'noye. Znaniye, stoimost' i kapital* [The Immaterial] [in Russian]. Ed. by M. Mayatskiy. Trans. from the German and from the French by M. M. Sokol'skaya. Moskva [Moscow]: ID VSh.E.

- Hardt, M., and A. Negri. 2006. *Mnozhestvo [Multitude]: voyna i demokratiya v epokhu imperii [War and Democracy in the Age of Empire]* [in Russian]. Trans. from the English by V. L. Inozemtsev. Moskva [Moscow]: Kul'turnaya revolyutsiya.
- Harvey, D. 2021. *Sostoyaniye postmoderna. Issledovaniye istokov kul'turnykh izmeneniy [The Condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change]* [in Russian]. Trans. from the English by N. Protsenko. Moskva [Moscow]: HSE.
- Inglehart, R. 1977. *The Silent Revolution*. Princeton: Princeton University Press.
- Jameson, F. 2014. *Representing Capital: A Reading of Volume One*. New York: Verso.
- . 2019. *Postmodernizm ili kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma [Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism]* [in Russian]. Ed. by A. Oleynikov. Trans. from the English by D. Kralechkin. Moskva [Moscow]: Institut Gaydara.
- Kirby, A. 2009. *Digimodernism. How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture*. New York and London: Continuum.
- Markovits, D. 2019. *The Meritocracy Trap: How America's Foundational Myth Feeds Inequality, Dismantles the Middle Class, and Devours the Elite*. New York: Penguin Press.
- Mazzucato, M. 2021. *Tsennost' vseh veshchey. Sozdaniye i iz'yatiye v mirovoy ekonomike [The Value of Everything. Making and Taking in the Global Economy]* [in Russian]. Ed. by N. Afanasov and A. Pavlov. Trans. from the English by N. Protsenko. Moskva [Moscow]: ID VSh-E.
- Pavlov, A. V. 2019. *Postpostmodernizm [Postpostmodernism]: kak sotsial'naya i kul'turnaya teorii ob'yasnyayut nashe vremya [How Do Social and Cultural Theories Explain Our Time]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Delo.
- . 2021. “Sostoyaniye postmoderna' D-vida Kharvi [‘The Condition of Postmodernity’ by David Harvey]” [in Russian]. In *Sostoyaniye postmoderna. Issledovaniye istokov kul'turnykh izmeneniy [The Condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change]*, by D. Harvey, trans. from the English by N. Protsenko, 7–40. Moskva [Moscow]: HSE.
- Safronov, E. Ye. 2019. “Chto budet v mesto postmoderna? Didzhimodernizm kak kul'turnaya dominanta [What Will Happen instead of Postmodern? Digimodernism as a Cultural Dominant]” [in Russian]. *Galaktika [Galaxy Media]: zhurnal media issledovaniy [Journal of Media Research]*, no. 1: 178–195.
- Srnicek, N., and A. Williams. 2019. *Izobretaya budushcheye [Inventing the Future]: postkapitalizm i mir bez truda [Postcapitalism and a World Without Work]* [in Russian]. Trans. from the English by N. Okhotin. Moskva [Moscow]: Strelka Press.
- Therborn, G. 2021. *Ot marksizma k postmarksizmu? [From Marxism to Post-Marxism?]* [in Russian]. Ed. by A. V. Pavlov. Trans. from the English by N. Afanasov. Moskva [Moscow]: ID VSh-E.
- Twenge, J. M. 2017. *iGen: Why Today's Super Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy and Completely Unprepared for Adulthood and What That Means for the Rest of Us*. New York: Atria Books.